

С. Ф. Ворзобова-Кузьмина (Минск)

ВОСПОМИНАНИЯ – РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЛАДИМИРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КАРПОВЕ

- Чего бы ты хотела сейчас?
- Говорить с тобой как раньше.
- Что тебе мешает?
- Глагол "был" и местоимение "Я"...

Приходит час Суда и мемуаров. Еще неизвестно, кто кого помнит в час Суда. Человеческая память изветлива и лукава, более того, она лжива. "Есть Божий суд..." (Лермонтов и его создание: Демон с Тamarой.)

– Я дорожу слезой, прожигающей камень, и не ценю водицу девиц, не познавших Любовь!

– Ты так говоришь, Карпов, что мне страшно.

Когда смотрят в тебя глаза ОТТУДА, по-за смертью, а ты живешь своей маленькой и никчемной жизнью, не очень-то и хочется откликнуться, сказать (пусть как волшебное эхо):

– Привет! Как я рада, что ты со мной.

Я здесь, ты – там. Там – тамаринные, лилейные, асфodelивые луга...

Здесь – асфальт, сквозь который весной иногда прорастает жалкая трава...

Ты ненавидел Смерть и делал все для Жизни, заносил ее в карточки. Каталоги заполняли шкафы, шкафы превращались в компьютеры-динозавры, пленозавры становились архиваторами. Архиваторы превращались во властителей информации, которая исчислялась терабайтами (10 в 12 степени). Ты, в общем-то, был близок к статусу властелина мира, ибо ты знал ЯЗЫК, а ЯЗЫК знал тебя, у вас было общее ИМЯ, которое скрыто, как и имя Бога. Знание ИМЕНИ отличает смертного от бессмертного. Тобой интересовались службы, органы, тайные организации...

Ты странен, беден, гениален, безумен, бездомен, одинок, косноязычен...

– Как может быть косноязычным Поэт, знающий правильные Имена, владеющий глаголами Божественной ономастики?

– Очень даже может. Знающий То, чего не знает практически никто из живущих здесь, не может сказать о своем знании.

Ты был обречен на наказание и непонимание. Кассандра – твоя сестра.

Терра – твоя земля – твоя дача – твой карандаш – твое знание – Тебе жестоко отомстили.

Когда-то, так давно, что уже не помнится, Ты смотрел в окно старого филфака (там сейчас исторический факультет) и говорил:

– пишуший стихи останется навсегда. Пусть только одной строкой. Этого достаточно. Одной. Вначале рисуешь оранжевым – даже траву. Потом зеленым – даже асфальт. Чем ближе к концу, тем востребованней черный. Я ненавижу черный. Я люблю белый. В нем все краски. Но им ничего не нарисуешь. Жизнь как карандаш...

– Ты не знал, думаю, что параллельно Тебе эту метафору жизни-карандаша изъясил из вечности Набоков, изымая из вечности такого же, как и Ты, узника Слова, своего Цинцинната...

Ты любишь бег в большом – очень большом пространстве – пространстве смыслов. Японский, английский, русский, турецкий, угрофинский типы БЕГА, или движения детского язычка (с придыханием и слюной – к соску матери-богини) дешифруются Тобой как символ – слово – движение – бег – к ЖИЗНИ И ЛЮБВИ, – как священное "М".

Я тебя не понимаю, мне скучно, у каждого свой, извини, язык, и свое "М". Так и коровы мычат. Ты называешь меня полной дурой. Я смеюсь. До полноты мне далеко, еще дорости надо. Состояние почти невесомости. Особенно, когда на санках, разумеется тех, что стоят в подъезде, на втором этаже, где мы спорим до одури. Господи, о чем? Тебе лекцию по языкознанию читать в восемь пятнадцать, а мне ее слушать и экзамен сдавать.

Я экзамен не сдала, и уже не сдам никогда. Может быть, Там... в тамаринных садах.

Я только сейчас поняла, что мы почти ровесники в земном времени. Разница в десять лет не в счет. Но ты уходишь старцем, седым, прославленным, авторитетным, степенным. А меня за несколько дней до своей смерти назвал "козой". Я впервые тебя поцеловала тогда, в момент "влёта" в филфаковские двери, напротив которых ты стоял в окружении студентов, сотрудников, почитателей Твоего таланта. Как я счастлива, что сказала: "Любила, Люблю и буду Любить всегда". Я солгала. Тебя любить нельзя, ты отмеченный. Тебя может любить только Лиля. А мы с моим мужем отвезли Яну – Вашему сыну – его первые пинеточки, которые я сама связала. Ян, я видела его у гроба отца, очень высокий, красивый и благородный. Владимир Александрович лежал в гробу в странном спокойствии, в ожидании своей Терры, своего Огня.

Мне не плакалось, но слезы текли сами собой. Какая-то женщина поцеловала его и отошла. Мой муж дважды отстоял почетный караул. Он уважал Владимира Александровича, ему было так жутко, что Его нет среди живущих. В это невозможно поверить до сих пор.

Меня утешает мысль, что и небесное воинство нуждается в пополнении, Карпов – настоящий воин, но в Бога он не верил, его богом был Язык. Приходит сравнение с Адамом, которому Бог дал задание всему дать имена. Адам – Карпов всё и всех назвал, имена систематизировал, но забыл, кто его надоумил это сделать.

Такая забывчивость свойственна земным гениям: они усваивают универсальный семантический код как собственный.

– Карпов, каково Тебе Там, в Тамариных садах, и помнишь ли Ты о земных семах?

Думаю, нет. Потому что семантика зависит от перспективы, от времени разлуки Слова и Сущности, с которой Слово обречено быть неразлучным...

Теперь, собственно, надо говорить о Твоем Слове, которое Ты подарил мне ко дню моей свадьбы. Я его до сих пор не понимаю. И это меня радует. Будет о чем поспорить в Тамариных садах. На санках. В беге. На втором этаже седьмых Небес. Если Он соизволит.

В стихотворении с посвящением "С. Ворзобовой" дважды цитируется "Раз музыка, так значит кто-то умер?". Это строка из, к счастью навсегда утраченного, раннего стихотворения декадентствующей будущей Кузьминой, тогда страстно увлеченной Скрыбиным, поэзией Серебряного века, особенно О. Мандельштамом и А. Ахматовой.

На письменном столе до сих пор стоит – боже мой, чего это стоило это тогда, не знаю! – доска с портретом молодого Мандельштама – сделанного при помощи солнечного луча. Не знаю, сам ли Карпов, или кто-то иной ловил солнечный луч через лупу, и где – в 1970 году можно было достать этот образ моего любимого поэта? Я не оценила, взяла, как берут срезанные цветы в весенний – общий для всех – праздник. Мандельштам определил всю мою научную жизнь. Я только теперь поняла, что Карпов меня сопровождал в Екатеринбург, тогда еще Свердловск, где я защищала кандидатскую диссертацию "О. Мандельштам и русская литературная традиция", конечно же, зимой. Такой зимой, что выйдя из самолета-санок, я упала от ветра и заряда снега.

Он был рядом – но я не знала этого, – когда мы с мужем – тогда еще в Свердловске, не Екатеринбурге – ранним зимним утром 1991 года подходили к свежекращеному белому кресту на месте расстрела семьи Романовых. К полудню крест уносила милиция, а люди уходили в храм с проваленным куполом и молча стояли, не произнося ни слова. Назавтра крест появлялся и все повторялось.

"Снег на лице. Нет, / рано! Сбросьте крышку!/ Заколотите память!" ("Амальгама", С. 99).

Ты был рядом, когда звонили колокола на Конюшенном переулке Санкт-Петербурга, и крутая лестница вела в просторный зал православного храма, где на месте иконы висела картина с изображением горстки верных у гроба Пушкина.

"Ртуть снова закипит в густой крови, / чтобы навек затверженным уроком/ себя запомнить, не перекроив" ("Амальгама", с. 98). Как Карпов мог предугадать мою преданность и верность пушкинскому Слову, его "густой" горячей крови?..

Он был рядом, когда в далеком Таиланде крокодил, раскормленный "почетной костью" тороватых туристов, огромных, почти невероятных размеров, нацелил на меня сквозь рябь тины свои глаза, когда мои ноги чуть не соскользнули на почти прогнившей доске, проложенной вовсе не для туристов через узкий канал, соединявший меня, добровольно заблудившуюся, с большой Террой.

Карпов, Ты и теперь рядом. Но я не понимаю, почему мое замужество было воспринято Тобой как предательство Слову?

Да, "Волчонок, так отзывчивый к словам" превратился-таки в "сторожа лживого добра" ("Амальгама", с. 100). Я люблю всякие кофточки, юбочки, всякую дрянь, скрывающую уродство старости, убогость жизни, безобразие бессмыслия. Мирская бессмысленность достала-таки "зверенка", который "лапу поднимал на пьедестал" ("Амальгама", с. 100).

Ты отказал мне даже в человеческом образе. Но протестовал против приручения.

Ты просил: "Хотя б солги, что ты еще жива" ("Амальгама", с. 100).

Карпов, я лгу, я еще жива.

Стихотворение В.А. Карпова мною датируется до точности месяца и года – январь 1972 год. Я выходила замуж, будучи 19 лет, студенткой третьего курса филфака, участницей КВН, помощницей в выпуске филфаковской стенной газеты, пользующейся огромной популярностью, где иногда помещались и мои стихи. В.А. Карпов, Б.Ю. Норман, студенты,

выпуская газету, что-то клеили, выдумывали шутки (например, "этикетка" – это маленькая воспитанная девочка. Кажется, автором был Б.Ю. Норман), вместе ели хлеб с колбасой, пили чай.

Мой избранник был 20 лет, очень красивый, с увлечением занимался физикой, рассказывал мне про каллапсы, черные дыры, устройство Вселенной, законы оптики. Я была влюблена в Виталия до одури, до потери пульса, как и сейчас, тридцать пять лет спустя... Он дружил с Карповым, спорил с ним об изоморфизме, законах физики и филологии как точно-неточной науки.

Карпов думал, что после замужества я стану другой, чужой в вольнице споров, веселья, простодушия и бескорыстия друзей-соратников. Последним экзаменом в этой сессии третьего курса русского отделения был экзамен по логике. Это было ужасно: какая логика перед свадьбой через несколько дней?! После ответа я помчалась в ГУМ, где купила маленькую фату. Она была Поэтом "прочитана" как саван. Вечная метафора свадьбы – смерти. Конечно, всем героям русских романов приходилось либо умереть, либо жениться, либо исчезнуть в музыке и метели...

Зима была снежной, но теплой. Сквозь лампы фонарей снег летел как театральный, почти сплошной занавеской. Я была сама не своя. Все казалось чудесным, сказочным, многообещающим. Внутри звучала мелодия, она то сладостно замирала, то взрывалась "Поэмой огня" Скрябина. Не обладая музыкальным слухом, я никогда не пела вслух, но внутренне могла "проигрывать" многие классические произведения Моцарта, Дебюсси. Карпов, зная эту мою способность, говорил, что я как собака, слышу, но спеть не могу.

У Поэта всегда особое отношение к Музыке, может быть, поэтому так царапнула слух Карпова моя строка "Раз музыка, – так, значит, кто-то умер?". Она возникла, когда среди зимнего молчаливо-сонного погружения природы в саван снега вдруг грянул похоронный марш. От неожиданности я вздрогнула, подумалось – скоро на моей свадьбе прозвучит марш Мендельсона. Вспомнились и строки из "Поэмы без героя" А. Ахматовой: "А так как мне бумаги не хватило / Я на твоём пишу черновике... И темные ресницы Антиноя / Вдруг поднялись – и там зеленый дым, / И ветерком повеяло родным... / Не море ли...? / Нет, это только хвоя / Могильная, и в накипанье пен / Все ближе, ближе... / Marche funèbre ... / Шопен". Траурный марш Шопена и марш Мендельсона окаймляют скобками человеческую жизнь...

Позже Карпов скажет: "Ворзобова, угораздило же тебя сформулировать вечный закон: Как только по радио и телевидению звучит хорошая классическая музыка, значит в стране траур".

Книга "Амальгама" сохранила живой человеческий голос Владимира Александровича. Я его слышу, как и интонацию, совершенно особенную, неповторимую. Вообще, при всей эмоциональности, в нем всегда сказывалась дисциплина ума, строгая культура мышления, трезвенность духа. Но в этом – небольшом стихотворении – 20 восклицательных знаков, 10 вопросительных, одно стяжение трех вопросительных знаков, два соединения вопросительного и восклицательного, три многоточия. Сама возможность такой температуры кипения страстей и чувств мной никогда не предполагалась. Карпов был другом-учителем, строгим, иногда резким

критиком моих дурацких стихов, великим "ожидателем", что из меня получится.

Музыкальная тема стихотворения распадается на две части: в одной звучит свадебный марш, оркестр не унимается, он ликует, скрипки почти визжат. Во второй звучит похоронный марш. И ту, и другую музыкальную тему надо остановить, чтобы спасти ее, глупого звереныша, дикого волчонка, с природно-естественной интуицией, грацией и свободой. Она inferнальна, она может неожиданно исчезнуть, не вернуться к назначенному сроку. Ее inferнальность оборачивается мыслями-непопырями того, кто ее ждет. Белый цвет превращается в глагол "была", снег напоминает о холоде смерти и забвения. Поэтому оркестровый рояль с его приподнятой крышкой является и образом гроба. Сбросить крышку рояля – значит прекратить звучание музыки, крышку гроба – окончательно проститься, забыть. Музыка в стихотворении явлена в двух ипостасях – холодная и "теплая". Когда звучит холодная, смертная – все стоят "без шляпок", когда "теплая" к ней движешься раскованно – "скачешь".

Но смерть отрицается самой Музыкой, "маэстро – воскреситель с молотком" – гениальный образ музыкального торга бессмертной души. Герой стихотворения не верит, что звучит похоронная музыка и она умерла, ее нет. Вторгается диссонанс, являющийся контаминацией пушкинского стихотворения "Бесы". "Замуж ведьму выдают...", вой вместо Музыки, ветер, шум... Кто-то "считывает пьесу по ролям", "сводит счета"... Разыгрывается мировая мистерия Добра и Зла, Музыки жизни и бесовского шума Зла... Зло побеждает: дикий волчонок натаскивается Хозяином и превращается в ручного сторожевого пса, которого запирают в спальне, чтобы тот сторожил хозяйское добро. "Кто так больно шутит?". Напомню, что Пушкин свое стихотворение "Бесы" назвал шуткой.

Поэт еще раз цитирует "Раз музыка, – так, значит, кто-то умер?" и просит, чтобы его уверили, что побеждает жизнь. Да, конечно, Жизнь, с ее вечной, непрерывающейся Музыкой Любви, Поэзии, Добра, Памяти...

По мнению специалистов в области физики, математики, информационных технологий теоретические изыскания Владимира Александровича Карпова заложили языковую основу архивирования информации с целью повышения скорости передачи информации в мировых информационных сетях. Тем самым, *поэзия* как сгусток смысла, *физика* как наука об объективных законах Вселенной, *филология* как наука о Языке, сливаются в метанауку, метаискусство. Филология, по мысли Карпова, может влиять на скорость передачи информации, которая является объектом технологии двойного применения и имеет прикладное значение в области высоких технологий.

Амальгама – смесь серебра и ртути, основа зеркала, в ней фокусируется оптика зрения и жар души, в ней же отражается эпоха, люди, друзья и враги, но, главное, – живое сердце Автора, живущего в его учениках, до конца преданных Слову.